

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ О БОЛГАРСКОМ ЦЕРКОВНОМ ДВИЖЕНИИ 50-60 ГГ. XIX СТ.

Илья Чанцов

Российская периодическая печать в 50-60-е гг. XIX ст. всегда проявляла интерес к событиям на Балканском полуострове, к развитию национальных процессов в Болгарии в частности. Толковались они с тех позиций, какие определились в этом отношении у отдельных течений общественно-политической мысли. Не вникая в подробности, отметим, что как раз в этот период панславизм, сформулированный в виде целостной программы славянофилами, оказал известное влияние на другие течения общественной мысли. Он был присущ в некотором виде изданиям М.Н.Каткова, А.А.Краевского, не осталась в стороне от сочувствия отдельным мыслям панславизма даже пресса демократического лагеря. В нашем докладе хотелось бы остановиться подробнее на таком явлении как болгарское церковное движение, а именно как оно было воспринято российской прессой, и какое влияние она оказала на развитие национального движения в Болгарии в этот период.

Итак, вслед за окончанием Крымской войны в Болгарии возобновилась начавшаяся ранее борьба с греками по церковному вопросу. Болгарское церковное движение, как известно, было направлено против греческой иерархии, стремившейся денационализировать болгар. Одним из средств борьбы было изгнание болгарского языка из церковной практики. Болгары выдвигали требование создания болгарской иерархии, так как большая часть руководящих церковных постов греческой Константинопольской патриархией замещалась греками. Движение стимулировалось огромными поборами, производившимися греческими архиереями с населения. Но в целом болгары видели в церковной борьбе не осуществление исключительно религиозной задачи очищения церкви, а национальную борьбу — борьбу за одну из основ национального бытия народа — его язык.

Исконным направлением российской политики на Востоке было сохранение православия, содействие православной церкви. Религиозное вли-

яние русской церкви и России вообще на Востоке оставалось сильным даже после унижительного Парижского мира 1856 г. Поэтому она не могла остаться в стороне от происходивших в Болгарии событий. Однако желания болгар не встретили поддержки российской дипломатии, которая стремилась к сохранению церковного единства на Балканах и искала компромисса между сторонами конфликта. К тому же неприемлемым для Санкт-Петербурга оказалось апеллирование болгарской общины в Константинополе к султану, что устраняло, таким образом, возможность иностранного вмешательства в эти процессы. Тем не менее в апреле 1860 г. Отделение болгарской церкви от Константинопольской стало фактом, хотя и самочинно осуществленным. И это обстоятельство привело к обострению борьбы, затянувшейся на долгие десятилетия.

Греко-болгарская борьба нашла отклик в российской печати. Во втором томе «Русской беседы» за 1858 г. появилась статья «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции» болгарина Хр. Даскалова, учившегося в Москве. Статья рассказывала о порабощении славян западных — немцами, южных — греками. Из греков себя не запятнали греки сирийские и греки свободной Эллады, зато прославились вероломством фанариоты. Это потомки византийцев, константинопольские греки. «Настоящий фанариот должен быть духовное лицо, которое некоторое время воспитывался в известных правилах и, по мере его усердия к выгодам ислама, постепенно возвышается по ступеням иерархической и светской лестницы... Фанариот должен предстать лицемером, беспощадным к славянам, ... он должен быть другом турок»¹. Автор проследивает историю болгарского народа, рассказывая о роли греков в уничтожении болгарской Охридской патриархии, об эллинизации болгар: введение греческого языка в богослужение, вывоз имущества из болгарских церквей, уничтожение болгарских рукописей. «... Патриарх Константинопольский с своими сателлитами есть привилегированное сословие, извне носящее личину христианина, но втайне преданное делу ислама»². Автор сравнивает греков и турок: «Болгарам не столь тягостно иго турецкое, ибо турки — народ ленивый, беспечный, фаталистический, ныне слишком слабый, всегда *in status quo*, малочисленный, не имеющий с славянами ничего общего, временный гость и господин их земли. Болгаре с турками всегда могут сладить... Болгаре *томятся под игом фанариотских архипастырей*, которого кажется никто и не подозревает»³. Представленные рассуждения автор иллюстрирует данными о возрождении болгар, развитии национальной школы и борьбе по этому поводу с греческими архиереями.

Практически одновременно со статьей Хр. Даскалова в «Русском вестнике» М. Н. Каткова, вышла статья «Турецкие дела», подписанная «Д.». Статья представляла материал о положении на Балканах, говоря о проблемах Турции, положение в которой на тот момент обострилось до предела: «... Никогда варварское обхождение турецких чиновников и злоупотребления иерархических

фанариотских властей не были столь явны»⁴. Автор говорит о новых конфликтах, вызванных изданием хатты-хумайюна 1856 г., который, по сути, бездействует и лишь вызывает приступы зверской реакции у мусульман. Это все побуждает балканские народы вести борьбу против своих угнетателей. Босняки и герцеговинцы ведут открытую борьбу против турок, болгары же, пишет автор, решили свергнуть иго фанариотов. «Доказано, что несчастья православных христиан в европейской Турции происходят преимущественно от фанариотских митрополитов и архиереев, как светских представителей народа... Турок, убивая физически христианина и грабя его, не препятствует развитию духовной его жизни; фанариот же вместе с грабежом, давит его нравственную, духовную деятельность, препятствует его развитию, то силою анафемы, то мечом, и попирает его священнейшее достояние — язык и народность».⁵

В правительственных сферах эти статьи вызвали явное недовольство. Помимо того, что редакторы обоих изданий представили письменные объяснения, они также были вызваны «на ковер» к обер-прокурору синода гр. Толстому. Последний поручил Т. Филиппову написать статью с возражениями, которая была напечатана в «Московских ведомостях».

Статья «Ответ «Русскому вестнику» по болгарским делам» была направлена против «Д.». Т. Филиппов говорил о преувеличении автором порочности греческого духовенства. В опровержение тезиса о засилии греками церковных постов в Болгарии он говорил, что болгары-архиереи имеются, но их мало, так как у болгар нет подготовленных людей. Болгары, стремясь добиться национальной иерархии, поступают неправильно, подавая в патриархию не прошения, а «наглые пасквили», и обращаясь в тоже время к Турции. Мысль о болгарской церковной автокефалии он считал неслыханной по дерзости в силу невежества болгар. «Но чтобы об этом думать, необходимо сперва, чтобы прекратилось турецкое угнетение; а до тех пор никакие пастыри не могут существенно исправить дела, будь они не только болгаре родом, но притом люди совершенно праведные»⁶.

В исследуем вопросе интересно то обстоятельство, что два журнала почти одновременно подняли болгарский вопрос, и что смысл статей близок. Событие это не видится случайностью, тем более что в 1858 г. в Болгарии в области церковных отношений не произошло какого-либо выдающегося события. Мы разделяем точку зрения С.А.Никитина, представленную им в труде «Славянские комитеты в России в 1856-1876 гг.». Согласно ей отправной точкой активизации обсуждения балканской проблематики российской общественностью стало образование Славянского благотворительного комитета в 1856 г. С комитетом, как замечает вышеуказанный исследователь, были связаны многие периодические издания, в первую очередь славянофильские «Москва», «Русская беседа», а также «Русский вестник», издававшийся М.Н.Катковым⁷. Но можно констатировать, что попытка привлечь внимание

общества к болгарской национальной борьбе наткнулась на противодействие правительства, что и приостановила публичное обсуждение этого вопроса.

Почти два года болгарский вопрос не обсуждался на страницах российской печати. Однако события 1860 года вновь привлекли внимание к разыгравшейся борьбе. К запрещенной ранее теме возвращается «Русский вестник». Обсуждая появление турецкого фирмана о греко-болгарских делах⁸, «Современная летопись» говорит, что фирман не дает надежного ответа, так как не ограничивает четко пределы болгарских епархий. Уступки, которые он дает, несущественны. «Болгарскому вопросу предстоит еще много препятствий. Исполнение фирмана могло бы облегчить положение болгар, но соблюдение указов не предстало естественной обязанностью турецкого чиновника, именно поэтому ждать быстрого разрешения этого спора нам не предстоит».⁹

Через некоторое время журнал снова вернулся к рассмотрению фирмана. Указывая, что фирман дает доступ болгарам к высшим церковным должностям, а в тоже время школы передает в ведение духовенства, он говорил, что в Болгарии «...школы вызваны национальным движением; это — центры болгарской народности, рассадники патриотизма, главные орудия в борьбе болгарской народности с угнетающею её народностью греческою. И эти-то самые школы, предмет ненависти для греков, отдаются в руки духовной иерархии, которая почти вся ещё состоит из греков»¹⁰. Далее журнал переходил к советам практического содержания: «Белград, а не Константинополь должен сделаться центральным пунктом болгарского движения. Лишь тогда болгары будут приготовлены ко всякой случайности и будут в состоянии воспользоваться ею, а без благоприятной для них случайности дело не обойдется при теперешнем положении венгерского и турецкого вопросов». Мы прослеживаем в этом призыве естественное желание представителя российской общественности, развести по разные стороны баррикад болгарское церковное движение и турецкую власть. С одной стороны оно было продиктовано традиционной ненавистью к Османской империи, препятствовавшей национальному развитию южных славян, чрез которое чаяли великое будущее и для самой России. С другой — хотелось обеспечить возможность для сторонников национальной болгарской церкви добиваться помощи от российского правительства. Однако здесь скорее прослеживалась переоценка слабости турецкой администрации. Более знакомые с обстоятельствами на местах деятели движения не воспользовались этим советом, считая необходимым искать поддержки именно у султана. Исключение, как мы знаем, составила деятельность Г.С.Раковского, который начал выпуск в Белграде газеты «Дунайский лебедь», решительно стоя на позициях вооруженной борьбы за независимость Болгарии.

Вновь к греко-болгарской борьбе печать вернулась в 1866-1867 гг., когда она опять обострилась. Новый собор при патриархе отверг болгарские требования. В связи с этим Н.Попов в статье, напечатанной в «Современной летописи», представил объяснение ситуации следующим образом: «Церковная рас-

пря между болгарами и греками есть только один из видов той вековой борьбы, которую ведут панэллинисты против возрождения славян на Балканском полуострове»¹¹. «Принимать болгар и греков за две партии, действующие равно ошибочно и ограничиваться равнодушными советами препирающимся, чтобы они избегали крайностей, значило бы восстановить против себя обе стороны, что и было причиной перемены болгарских чувств к нам» — это был по сути, выпад против правительственной политики по отношению к греко-болгарскому спору¹². Наконец, можно сделать замечание, что трактовка болгарского церковного движения всегда сочеталась в печать М.Н.Каткова с решением восточного вопроса в духе панславизма, то есть в духе имперской идеи, обернутой этой незадачливой идеологией.

Славянофилы, также не оставили без внимания развитие движения в Болгарии. С первых своих номеров «День» И.С.Аксаков посвящал большое количество материалов этой теме. Статья Р.Жинзифифова представляла отклик на статью И.С.Аксакова, где последний писал, что славяне всюду, исключая Россию, угнетены немцами и турками. Жинзифинов соглашался и спрашивал: «Но что скажите относительно Греков? Ужели потому что они православные, не следует называть их притеснителями, такими же, как немцы и турки? Без всякого сомненья, греки теперь для болгар хуже турок, но самую силу свою греки почерпают от турецкого ига. Не будь турок в Европе, греки не осмелились бы и не могли бы угнетать болгар духовно, лишать их народного богослужения, препятствовать просвещению болгарского народа»¹³. Однако подобные реверансы явно были сделаны в сторону правительства, желавшего видеть представленной главным виновником Турцию. Для читателя же явным были перечисления ужасных злоупотреблений греческих иерархов, и справедливые требования болгарских деятелей о создании независимой церкви.

В других номерах поднимался вопрос о созыве церковного собора. Первоначально он был высказан в статье «Дня» автором, укрывшимся за инициалами «К.С.». Болгары, писал он, не могут созывать собор за отсутствием своей иерархии, греки не согласятся, так как болгарские требования справедливы... Значит, инициатива должна идти от России. Если болгары обратились к Турции, то только потому, что не знали о намерениях России. Автор пытается примирить российское правительство, оправдывая, обращение деятелей церковного движения к турецким властям отсутствием какой-либо другой возможности противостоять фанариотам. Собор же представлялся как единственно возможный вариант прекращения спора. «Решение собора все же сохранит духовный авторитет соборного решения даже и тогда, когда бы в приведении его в исполнение и встретились какие-нибудь внешние случайные препятствия в турецкой или европейской политике»¹⁴.

Мысль о соборе была подхвачена другим автором, который говорил, что подобная практика уже была, но собиравшиеся соборы были греческими,

а нужно собрать собор с обязательным участием болгар, а затем сербов, румын, восточных патриархов и особенно русских. «Только представителям русской церкви и возможно беспристрастно, без увлечения духом партии, и свободно — не стесняясь независимыми от церкви влияниями — обсудить положение дел болгарских и всей греческой церкви»¹⁵. Автор подчеркивал необходимость участия в соборе не только духовенства, но и мирян, а русским предлагал роль примирителя. Также автор говорит о недопустимом молчании по поводу церковного спора в российской духовной литературе. В целом, можно сказать, что постоянным элементом всех статей, публиковавшихся в прессе, был призыв к активному вмешательству российской власти и духовенства в конфликт. Не обходилось и без открытой лести и обращения к чувству национального самолюбия, как это открыто видно по материалам указанной статьи «А.Ц.»

В 1862 г. вышла также заметка болгарина, учившегося в Киеве, писавшего о неуступчивости греков. Это, говорит он, заставляет население принимать унию, которая значительно облегчает положение бедного населения снижением церковных поборов. Независимое духовенство могло бы примирить веру и бедность, но этого не наблюдается. «Народ желает совершенно отдельного, независимого духовенства, а его угощают разными ничтожными уступками и смешанным синодом... Фанариоты хотят продолжать обирать народ в своих приходах и... ищут любого повода... чтобы обвинить болгар в неуступчивости»¹⁶.

Примирительные попытки привели в 1862 г к образованию смешанной комиссии, ведшей бесконечные дебаты о составе и структуре синода и пр. По этому поводу в газете за 15.IV.1863 находим письмо в редакцию из Константинополя (автор — болгарин), которое рассказывает о медленности хода дел. «Эллинизм на первом плане в глазах греческой патриархии, на втором плане материальные выгоды, а интересы веры и православия едва ли не на самом последнем плане. Вот источник упорств и ожесточения»¹⁷.

Болгарин Х. в специальной статье о создании в Греции комиссии по эллинизации Балканского полуострова говорит о натиске греков на болгарскую культуру и враждебных действиях против учителей и священников. «Мы не желаем, — заканчивалась статья, — ни малейшего успеха греческим замыслам, которые не ведут ни к чему доброму, разве только к тому, что они могут помешать ходу образования и развития болгар и способны до огромного размера развить ненависть и международную вражду болгар и греков, уже давным давно отмеченную кровавым пером на страницах болгарской истории!»¹⁸.

В статье Т.Минкова «Константинопольский патриарх и лондонский парламент» раскрывает национально-освободительный смысл церковной борьбы. «Кто же, спрашиваем, ставит нам этих бессовестных пастырей, — кто спокойно и хладнокровно смотрит, как нас мучат и утесняют, и не оказывает при этом ни малейшего облегчения? Мы обвиняем духовенство, потому

что не можем прямо напасть на систему турецкого деспотизма... Епископы — рабы султана, добывающие место покупкой, получающие инструкции о действии рука об руку с пашами». Таким образом, движение представлялось не только как внутрицерковная борьба, но и как часть борьбы болгар за свое национальное освобождение.

Итак, в течение всего времени своего существования «День» непрерывно и систематически вел одну и ту же линию защиты и отстаивания болгарских требований. Национальность авторов писавших по болгарским проблемам не вызывает вопросов — за несколькими исключениями все они болгары. «День», таким образом, стал органом выражения болгарских интересов в церковном вопросе. То, что он защищал действительные болгарские интересы легко показать — все напечатанные в нем статьи говорили о справедливости болгарских притязаний на самостоятельную иерархию, указывали на притеснения греков, отмечали службу греческих архиереев туркам. По сравнению со статьей Хр. Даскалова статьи «Дня» отличались большей умеренностью тона, но по содержанию были тождественны. Таким образом, катковская и славянофильская печать, то есть газеты консервативного толка, близкие по духу правительственным, сближались в поддержке болгарского церковного движения, заставляя официальные органы более гибко оценивать события в Болгарии. Это серьезно повлияло и на позицию властей, отказавшихся от явного непринятия требований болгар.

Надо сказать, что остальная российская печать мало интересовалась церковным вопросом в Болгарии. Если во внешнеполитических обзорах журналов он упоминался, то лишь в порядке чисто фактической справки. Тем интереснее роль, сыгранная «Днем» и катковской печатью — «Русским вестником», «Современной летописью». Газеты в самый острый период борьбы 1858-1860 гг. не имели возможности говорить об этом вопрос по цензурным причинам. Позже упоминания о Греко-болгарской распри эпизодически встречаются, но не вырастают во что-либо похожее на кампанию проболгарской пропаганды упомянутых нами изданий.

Таким образом, освещение греко-болгарской борьбы на страницах российской периодической печати происходило в условиях сильного противодействия цензуры. Правительство находило нелицеприятным ознакомление российской общественности с фактами сложного конфликта внутри православной церкви на Балканах. Болгарское церковное движение, развивавшееся одновременно и как национальное движение предстало явлением сложным для оценки российской власти, и в условия политики status quo ею было положено неразумным разваливать единство православной иерархии. Однако сущность движения была верно воспринята российскими изданиями, в частности славянофильскими «Русская беседа», «День», изданиями М.Н. Каткова «Русский вестник», «Современная летопись». И именно их трудами была обеспечена поддержка требований болгар российским обществом. Проболгарская

кампания, развернутая этими изданиями, привела к смягчению позиции властей, а, следовательно, иерархов русской православной церкви, оказавших известное влияние на константинопольскую патриархию. Российская печать стала важным органом выражения болгарских интересов в церковном вопросе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Русская беседа. — 1858. — Т. II. — Кн. 10. — С. 4.

²Там же. — С. 15.

³Там же. — С. 21.

⁴Русский вестник 1858. — Т. XIII. — № 2. — Современная летопись. — С. 248.

⁵Там же. — С. 249-250.

⁶Московские ведомости. — 9.VIII.1958. — С. 2.

⁷См.: Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1856-1876 гг. — М., 1960. — С. 8.

⁸Т.е. фирман, утвердивший уступки патриархии, принятые на соборе 1861 г. Он признавал право болгар занимать епископские посты, право преподавания в училищах на болгарском языке и употребления его в церковной службе.

⁹Современная летопись. — 1861. — № 21. — С. 17.

¹⁰Современная летопись. — 1861. — № 28. — С. 13.

¹¹Современная летопись. — 1866. — № 28. — С. 1

¹²Там же. — С. 2.

¹³День. — 21.X.1861. — Славянский отдел. — С. 13.

¹⁴День. — 11.XI.1861. — С. 11.

¹⁵А.Ц. Мысль о соборе по делу болгарскому/ День. — 6.I.1862. — С. 7.

¹⁶День. — 22.XII.1862. — С. 14.

¹⁷День. — 15.IV.1863. — С. 12.

¹⁸День. — 28.IX.1863. — С. 12-13.